

«большой великий вну» (должно быть «сын»), «большая великая внучка» (должно быть «дочь») и «большие великие внучата» (должно быть «дети») На стр 118— французское слово *matelot* отнесено к норманизмам Это ошибка, потому что слово это голландского происхождения (*maatgenoot* — собственно «однокашник») На стр 11 напечатано древнеалемански — должно быть древнеалемански, на стр 12 напечатано *Krahn* — должно быть *Kran* («журавль»), на стр 42 напечатано *profonde silence* — должно быть *profond silence*

•

К каким же выводам мы приходим рассмотрев новую работу Л. А. Булаховского? Несмотря на то, что в книге собрано довольно много интересного и поучительного, в общем ее нельзя признать удачной. В начале нашей рецензии мы упоминали о том, какие требования предъявляются к учебнику, и поставили перед собой задачу выяснить, в какой мере книга Л. А. Булаховского удовлетворяет этим требованиям. Неудобно признать, что она удовлетворяет им в очень малой степени. Прежде всего, изложение в книге, как мы на это указывали в своем месте, недостаточно систематично. Расположение в ней материала вызывает самые серьезные возражения. В ряде случаев в книге не дается точных определений разбираемых в ней понятий, а некоторые определения должны быть признаны совершенно неудачными. Далеко не во всех случаях можно согласиться также с толкованием рассматриваемых явлений. Нередко ясность изложения оставляет желать лучшего. Несомненно, что книга требует коренной переработки.

Н. М. Александров

Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч II — М, Учпедгиз, 1953. 179 стр.

Недавно в Учпедгизе вышел в свет второй выпуск учебника «Введение в языкознание», написанный одним из виднейших исследователей в области русского литературного языка и славистики, членом корреспондентом Академии наук СССР, проф. Л. А. Булаховским.

Нечего и говорить о том, что новый учебник, в частности вторая его часть, по методологическим установкам, по систематичности, глубине анализа, по филологической широте не идет ни в какое сравнение с лингвистическими пособиями, которыми располагали наши студенты прежде — в период господства марризма и «аракечевского режима» в языкознании. Многие языковые проблемы, в прежних учебниках лишь поверхностно намеченные и неверно решенные, получили в этой книге углубленное, подлинно научное истолкование.

Задачей настоящей рецензии не является полная и всесторонняя оценка книги проф. Л. А. Булаховского. Мы не будем характеризовать ее больших и неоспоримых достоинств, а остановимся только на недостатках и пробелах учебника. Прежде всего — о некоторых общих недостатках книги в целом.

1. Работа проф. Булаховского является второй частью учебника «Введение в языкознание», но читатель не видит никакой преемственности между первой и второй частями. Нигде автор не ссылается на своего предшественника, не отсылает читателя к первой части, тогда как это было бы вполне естественно сделать, например, в §§ 2, 3, 6, 7, 20, 69, 70 и др.

2. Теоретические положения в рецензируемой книге в значительной части представлены как бесспорные. Автор учебника нигде не фиксирует внимания читателя на том, в какой стадии находятся исследования в той или иной области науки о языке, какие вопросы являются спорными и нерешенными, какие различные точки зрения высказаны по тем или иным вопросам. Прочитав книгу проф. Булаховского, студент подумает, что все в языкознании уже окончательно решено и что делать исследователю в этой области больше нечего.

3. Весьма странным и немотивированным представляется тот факт, что автор учебника дает библиографию лишь к двум главам — к «Лексикографии» и «Этимологии слов». Две другие — «Семасиология» и «Лексикология», наиболее значительные и по объему, и по теоретическому интересу, библиографическим списком не сопровождаются.

4. В некоторых параграфах учебника неприятное впечатление производит избыток цитат. Так, на страницах 7, 8, 9 и почти нет авторского текста (всего 28 строк (это на целых 3 страницы!). То же относится и к ряду других параграфов учебника. Такое соотношение авторской речи и цитатного материала вообще недопустимо, а для учебного пособия — в особенности.

5 В заключение отметим следующий недостаток книги в ней много лишнего и ненужного, спорного (без указания автора на то, что это спорно) и случайного В первую очередь и шире замечание относится к тем параграфам, где рассмотрение языка как непосредственной действительности мысли, как специфического общественного явления поменяется рассмотрением различных форм субъективно-эмоционального осмысления слова Таковы, например §§ 9, 11, 14, 15, 23, 25, 27 В то же время недостаточно развернуты важнейшие темы, которые должны бы были составить костяк соответствующих разделов книги идиоматика и фразеология, словарный состав языка и его связь с основным старым фондом, словообразование и его закономерности в языках различного строя, проблемы диалектов и жаргонов, синонимии и речевых стилей

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению той главы, которая занимает около половины книги и которая вызывает наибольшее количество возражений — главы «Семасиология» (стр 7—83) Напомним, что в прежних учебниках такого раздела вообще не было Приверженцы «нового учения» о языке весьма переоценивали значение семасиологии и сводили к ней и лексикологию, и грамматику То, что проф. Булаховский посвятил специальную главу этой лингвистической дисциплине, — факт весьма почетный Но некоторые параграфы этой главы вызывают недоумение Выше отмечалось, что автор иногда подменяет рассуждения о языке как специфическом общественном явлении рассуждениями о субъективно-эмоциональном осмыслении слова В самом деле, рассмотрим к содержанию некоторых перечисленных выше параграфов § 11 озаглавлен «Профессиональные предпосылки понимания слова» В этом параграфе автор говорит, что бухгалтер и артиллерист по-разному воспримут слово *расчет*, домохозяйка и пулеметчик — слово *очередь*, врач и финансист (?) — слово *операция* Плодотворны ли эти рассуждения? Нужно ли было их выделять в отдельный параграф? Ведь тремя страницами выше, в § 10 «Слово и контекст», уже было сказано — и совершенно справедливо — о том, что «не взяв слова в его фразном окружении мы в ряде случаев понимаем его (мысл. толк) только довольно приблизительно» (стр 27) можно было бы там же упомянуть о том, что автор не вполне ясно именует «профессиональными предпосылками понимания слова» Совершенно излишне выделение в особый параграф и того материала, который составил § 25 «Значения, возникающие по сближению звучаний слов» В нем говорится о том, что в русском языке, например, слово *художество* неправомерно возводится по звучанию к слову *худо*, а слово *довлет* связывается со словом *давить* Какое это имеет значение для семасиологии как лингвистической дисциплины? Ведь речь идет о типичных ошибках о которых можно было бы тоже сделать замечание в скобках или, в лучшем случае, в параграфе, повествующем о так называемой «народной этимологии» (§ 71) Здесь же это все неуместно в контексте главы о семасиологии названные ошибки вырастают в важную семантическую проблему, каковой они ни в малейшей степени не являются

Наиболее серьезные возражения вызывает § 12 «Идиомы и фразеологические единицы» Прежде всего непонятно почему автор не указывает на то, что идиомы тоже относятся к области фразеологии Следовало бы рассказать о трех охарактеризованных В В Виноградовым классах фразеологических единиц — о фразеологических сращениях, фразеологических единицах, фразеологических сочетаниях Автор же говорит лишь о двух типах выражений — об идиомах и идиomaticх Что же понимает он под этими типами выражений? «Фразеологические единицы (фразеологизмы), — пишет он на стр 34, — это обычно разложимые в смысловом отношении словосочетания но закрепившиеся в языке как материал ховой цитации (пословицы, поговорки, уличные выражения писателей, ставшие «крылатыми» слова и т п) и потому получившие известную цельность» Нет ли не заметить, что это определение, весьма неудачное и по существу, и по форме возвращает нас к стародавнему пониманию термина «фразеология», свойственному, например, М И Михельсону — автору словаря «Русская мысль и речь»¹, работу которого проф. Булаховский характеризует в § 64 По проф. Булаховскому выходит, что фразеологическая единица — материал ховой цитации Это совершенно неверно В В Виноградову принадлежит следующее определение этого типа словосочетаний Фразеологические единицы пишет он, «тип устойчивых тесных фразеологических групп которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения но в которых это целостное значение мотивировано, являясь произведением возникающим из слияния значений лексических компонентов»² Далее В В Виноградов указывает на свойства этого типа сочетаний они, говорит он, «потенциально эквиваленты слов», хотя по внешнему виду могут совпадать со свободными сочетаниями слов Не высказав своего отношения к приведенному определению фразеологических единиц, проф. Булаховский формулирует свою точку зрения в весьма категорической форме без специальной аргументации И в результате читателю трудно понять, почему фразеологическими сочета-

¹ М И Михельсон Русская мысль и речь, СПб, 1912.

² В В Виноградов, Русский язык, М — Л Упедгиз 1947, стр 24

ниями являются цитата из Некрасова «цинизм, доходящий до грации» (кстати цитата, почти никогда и никем не повторявшаяся), слова Сатина из горьковского «На дне» «В карете прошлого далеко (или никуда) не уедешь» и даже длинная цитата из И. В. Сталина «Техника во главе с людьми овладевшими техникой может и должна дать чудеса» При таком понимании фразеологизма термин этот вообще перестает что либо значить — он становится разве что синонимом понятия «цитата», пусть — часто приводимая

Весьма нечетко и определены данные проф Булаховским идиомам Идиомы — в его формулировке — это « своеобразные выражения определенных (?) языков, являющиеся по своему употреблению цельными (?) и едиными по смыслу (?), обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки (?) и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски» (стр. 33) Определение это нечетко не только потому что отдельные составляющие его элементы плохо выражены но еще и потому, что на первый план выдвинуты не переводимость идиомы, а такое ее свойство которое является производным Обратимся снова к формулировке акад Виноградова Он так определяет фразеологическое сочетание « тип словосочетания абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно как значение немотивированного слова-знака»³. Здесь все точно и недвусмысленно Отсюда ясно и тот вывод, который в дальнейшем изложении делает В. В. Виноградов соотношение компонентов фразеологическогоращения с самостоятельными словами языка — оно и м и м и ч н о При такой формулировке всякие рассуждения о невозможности перевода «слово за слово» (а не о невозможности «точной передачи на другие языки», как двусмысленно пишет проф Булаховский), если и были бы нужны, то лишь как иллюстрация, в то время как у проф Булаховского они выступают в неподходящей им роли а р г у м е н т о в

Вероятно, это ошибочное использование переводных иллюстраций в качестве аргументов и привело автора к многочисленным ошибкам и недочетам, которых на стр. 33 почти столько же, сколько строчек Например, *привлечь к ответственности* по-немецки отнюдь не *vor Gericht ziehen* а уж скорее *zur Verantwortung ziehen* первое же сочетание вообще не существует (говорят *vor Gericht stellen!*) а все это как на русском так и на немецком языке отнюдь не идиома, а скорее всего фразеологическое сочетание *Faire fusco, faire échec* не значит «терпеть поражение» но «потерпеть неудачу», «проваляться» переводить же это выражение, в котором глагол *faire* семантически опустошен и почти полностью грамматизован, так, как это делает автор («делать поражение»), не совсем соответствующее французское выражение *essuyer une défaite* почему-то вовсе не приведено Русское выражение *взять и в прах разбить* проф Булаховский переводит на французский язык выражением *reduire a neant* (что значит «истребить», «уничтожить») и *battre a plate couture*, по поводу которого автор дает анекдотический комментарий «приблизительный смысл — шьет он, — разбить в гипс» (*platre*) При чем же тут гипс? *Couture* — значит «шов», и данное выражение может значить, например, «сбивать швы» Проф Булаховский спутал *plate* «плоская» и *plâtre* «гипс» и только ввел в заблуждение читателя Примеры можно умножить Но дело не в примерах и не в отдельных, пусть даже малочисленных, но частных ошибках Дело, конечно, в неверной, ложной концепции Впрочем проф Булаховский на ней не настаивает Как на стр. 93 он называет «фразеологизмами» французские выражения *garder le lit* («оставаться в постели»), *l'eau dormante* («стоячая вода») *pousser le port de quelqu'un* («присоединиться к чьему-нибудь мнению») Напомним что выше, на стр. 31, фразеологизмы были определены как «обычно разложимые в смысловом отношении словосочетания по закрепившиеся в языке как материал ходовой питании (поговорки, пословицы, удачные выражения писателей, ставшие «крылатыми» слова и т. п.) и потому получившие свое тупую цельность» А что в этом отношении представляют собой *garder le lit* или *l'eau dormante*? «Материал ходовой питании»? Тот факт что автор исподволь пытается в проведении своей же концепции, говорит о том, что эта концепция не очень для него безусловна и что, обращаясь к конкретному языковому материалу он сплывет и рядом отрывается от своих формулировок А как же быть читателю студенту уже прежде усвоившему сказанное про «материал ходовой питании», а теперь сталкивающемуся с чем-то совсем непохожим? Такие вещи, недопустимые ни в какой печатной работе, особенно нежелательны в учебном пособии

Странное впечатление оставляет важный для главы и для всей книги § 24 «Метонимические изменения значений» О метонимии не сказано много очень существенное для понимания этого языкового явления, например что метонимия, в отличие от метафоры основана на переносе значений по логической связи, а не по чувственно воспринимаемому сходству что метонимическое сочетание обычно близко к фразеологизму и не подлежит разрушению расчленению на элементы наконец что в основ-

³ В. В. Виноградов, указ соч., стр. 22

ном, роль метонимии в языке сводится к конкретизации абстрактных понятий. Вместо этого дано такое определение метонимии, из которого ровню ничего нельзя уразуметь: «Чаще всего метонимия представляет замену („сгущение“) полного наименования сосуществующих в предмете признаков отдельных, в том или другом отношении представляющихся существенными или показательными (яркими)» (стр. 65). Не будем останавливаться на стиле этой формулировки, из-за которого это предложение невозможно прочесть вслух. Что вообще значит «сгущение полного наименования признаков»? Что значит «замена наименования» «отдельными признаками»? А на стр. 66 мы наталкиваемся на другую, не менее темную и нескладную формулировку, из которой тоже ни один студент никогда ничего не поймет: «Метонимизируемые (?) слова и выражения замещаются другими, сжато и потому более выукло передающими то, что в реальных (?) предметах, действиях и т. д. находится между собой в связях пространственных, временных, причинных и т. п.».

Вообще необходимо обратить внимание автора на то, что его учебник изобилует излишне сложными, темными формулировками и определениями. Это, как ни странно, имеет место даже во многих наименованиях параграфов. См. § 11 «Профессиональные предпосылки понимания слова», § 27 «Признаки переименования», § 39 «Развитие лексики как приспособление старого содержания к потребностям нового мировоззрения» и пр. Или, например, возьмем такое предложение: «Едва ли по поводу каждой литературно обработанной фразы можно предполагать, что составивший ее, искусный писатель или вообще человек, владеющий литературной речью, оттолкнулся при построении ее от подвертывавшихся ему одинаковых или близких по звучанию слов и, строя фразу, заменил соответствующие слова синонимическими» (стр. 42). Эту очень простую мысль можно было и выразить просто. На стр. 104 автор пишет: «Особенно много слов, производных от собственных имен, снабженных морфологическими приметами производства». Совершенно непонятно, о каких «морфологических приметах» производства идет речь. Примеры не рассеивают недоумения читателя: первый из них гласит: «Вольт — единичная электродвижущая сила... от фамилии Вольта». Ну и что же? Каковы же эти «морфологические приметы производства» в слове *Вольт*?

Неудачные формулировки еще не основной недостаток учебника. Совсем плохо, когда автор предлагает положения, научно, идейно и политически непродуманные. Он утверждает, например, о словообразовательных средствах эмоционального характера, что «их число и частота (?) употребления чем дальше, тем все более сокращается, свидетельствуя с известной определенностью о том, что у культурного человека ряд эмоций, дававших о себе знать в период установления литературного языка, идет на убыль с дальнейшим ростом и широтой культуры» (стр. 95). Это «положение» иллюстрируется сокращением числа ласкательных и уменьшительных суффиксов. До сих пор мы думали, что «с ростом и широтой культуры» общаются, совершенствуется духовная жизнь человека, в том числе и мир его эмоций. Отчего же вдруг уменьшается число ласкательных суффиксов? Это явление надо объяснить совсем иначе. На стр. 132 мы читаем удивительное по своей мягкости и беззубости рассуждение о проведенных фашистами мероприятиях по «опечечиванию» языка. Проф. Булаховский пишет о том, какое «впечатление производит подчеркнутый пуризм мощного, культурно развитого народа (!), когда грубо националистические построения делаются в нем господствующими, подчиняют себе (?) все важное в культурном процессе и приобретают, не будучи сдерживаемы факторами интернационального порядка, определенно шовинистически наступательный характер... Языковая политика начинает тогда отражать очень небезопасное направление в идеологическом состоянии влиятельных кругов народа...» Здесь автор несомненно проявляет излишнюю склонность к эфемизмам. Так ли нужно в советском учебнике писать о фашизме? Всю эту либеральную, беззубую характеристику следует в корне переделать.

Отметим в заключение, что учебник проф. Булаховского весьма небрежно редактировался. Редактор не заметил не только указанных выше небрежностей и неслучаев, — он пропустил и великое множество прямых ошибок и опечаток, в особенности в иноязычных примерах. Не повезло, в частности, французскому языку. Помимо указанных выше ошибок на стр. 33, отметим: *l'embouchure de rivière* (стр. 12) вместо... *de la rivière*; *profonde silence* (стр. 42) вместо *profond*; *un visage labouré par les cicatrices* (стр. 148) вместо... *des cicatrices* и пр. и пр.

*

Мы отнюдь не стремились к тому, чтобы перечислением пробелов, ошибок, неточностей заслонить все то ценное, что имеетя в рецензируемой книге. Но именно потому, что в основе своей книга проф. Булаховского интересна, содержательна, богата новым и живым материалом, автору следует как можно скорее ее переработать и выпустить в свет новое издание, лишенное отмеченных недостатков.

Е. Г. Этгинд